

РОДСТВО ЗЕМЛИ И НЕБА

Подлинная поэзия всегда несёт свет внутренней драмы и тревогу за дееспособность сил добра. Такой свет и есть её оптимизм – боль за всех. Этим даром самоотречения счастливо наделена героиня стихов Любови Никоновой: «Когда своё не удалось, любишь, смущённый гость, не смея выразить участия, картинами чужого счастья...». Участливость, разумеется, далеко не всегда выражается у Л. Никоновой столь прямолинейно – она как бы разлита в воздухе её поэзии. Вообще ведь актуальность поэтического слова – это не очерковая привязка к злобе дня, ибо чем отчётливее поэт, тем ощутимей у него Большое время, сквозь которое преломляется эта самая «злоба». Есть поэты внутренне жёсткие, волевые – Л. Никонова, напротив, берёт добротой, непритязательностью. Её мироощущение свежо, ещё не замутнено так называемой мудростью. Поэтесса так видит, слышит и чувствует землю, как будто ходит босиком. «В обожжённой степи след барашка на глине напоил меня тёплой горьковатой водой. С ощущением последнего поцелуя... он потом засыхал». Поэтический образ прост, он увиден под ногами и поднят с земли. А сложность его в том, что тут сказывается не только литературный, а именно и прежде всего житейский, душевный опыт. Он-то и позволяет Л. Никоновой в её поэзии, казалось бы, беззаботно опираться на малое, будничное, ничем вроде бы не примечательное. Но зато всегда – конкретное, зримое, шевелящееся, живущее своей собственной жизнью, как, например, ящерка, встреча с которой неожиданно впечатлит нас в стихотворении «Безответная любовь»:

Пульсируя, сжалась она на ладони.

Беги. Отпускаю. Не будет погони.

Как трудно друга друга понять на земле!

Пробившись сквозь космос, сквозь жизнь и

сквозь свет,

Придёт твой ответ через тысячу лет.

Вернувшись бесстрашно, играя с огнём,

Кого ты застанешь на месте моём?

В великое и малое герой стихов этой книги всматривается одинаково пристально, и – он неизменно обнаруживает ту «связь миров», о которой говорил ещё Державин. В полном соответствии с державинской традицией Л. Никонова ставит человека между микро- и макрокосмосом, делая его не связующим звеном, а скорее – вместилищем того и другого. Отсюда – взаимопроникновение измерений: «Ах, эта ночь с луною рыжей! С веками сплетены века. Забито небо всякой рыбой. Забита звёздами река». Поэт всюду отыскивает приметы родственности земли и неба: «Так мы в сумерках сено везли и вечернюю близь созерцали. Поднебесные травы цвели. Придорожные звёзды мерцали». Тут «село Озерецкое» расположилось на берегу «озера Селецкого» – в глазах реальный берег мешается с отражением. Идёт школьник, а его ранец – «как сложенные крылья за спиной». Метафорическая ёмкость освобождает автора от словесного излишества. Стихи

«Свиданья в дождь» стоят на грани лексической бедности, а между тем повторение одного и того же вдруг вспыхивает новым смысловым и эмоциональным объёмом, где разрыв между двумя людьми как невысказанная, сдержанная боль.

Но прекратился всякий дождь.

Идёт всё время снег.

А снег – ведь это тоже дождь.

Но только это снег.

Мастерство, похвальное и само по себе, опирается у Любви Никоновой на пережитое, поэтический приём преодолевает свою игровую природу, выражая потребность поделиться душой. В этой поэзии легко ощутима некая «народинка», которая уличает если не выходя из деревни, то генетическую близость к природе, выявляет слух на народную речь, обнаруживает фольклорную память – не только в стихотворении «Заговор на муке», но и в других. Автор прав, говоря, что для него «травя – состояние духа». В сочетании с интеллектуальным достоинством речи мы получаем к тому же очень русскую, национально окрашенную поэзию. Сколько у нас пишется и печатается стихотворных строк о той же «траве»! Но в лучших стихах Л. Никоновой это не условный символ, а живая, определённая. названная трава – осока, подорожник, молочай... Тонкое знание природы в наши дни оказывается неожиданно актуальным – исчезновение самих названий деревьев и растений из массового поэтического словаря наверняка состоит в единстве с общим обеднением окружающей среды. Стало быть, охрана её в слове – прямое дело поэта. Стихи, предстоящие читателю, затруднительно квалифицировать по тематическому признаку. Каждый съест своё. Мне, кажется, дороги и те из них, в которых душа современника выразилась с элементом сказочности, порой грустной. Грусть эта – от присутствия идеала, коему надлежит быть недостижиму: на то он и идеал. Прочтя стихотворение «Создатель», это чувствуешь... Предваряя знакомство читателя с поэзией Л. Никоновой, добавлю, что имею в виду возможности поэтессы. Они значительны. Вместе с тем традиция требует указания и на реальные несовершенства, просчёты и прочие небрежности начала пути. Но, положив руку на сердце, признаюсь: не хочется такой «объективности». Несмотря на какие-то самоповторы, на отдельные вещицы с меньшим внутренним напряжением, из каждого произведения Любви Никоновой на нас глядит – поэт. Прочтём его.

Р. Винонен